
Вас. Голубев

К полемике о национализме

Затрагивать вопрос о национализме действительно, как оказывается, небезопасно. Как только «Слово» заговорило о нем и даже просто поставила его, так тотчас же и со стороны реакционной, и со стороны прогрессивной печати началась атака. Шовинисты «Нового Времени» готовы нас зачислить в свой лагерь. «Речь» заподозрила нас в проповеди «национализма против национализма», в «эстетическом национализме», «быстро вырождающемся в настоящий племенной шовинизм». Г. Милюков так прямо и озаглавил свою статью: «Национализм против национализма», как будто в «Слове» во всех трех статьях, по поводу которых пишет г. Милюков, была чуть ли не проповедь вражды одной национальности к другой. В качестве главного аргумента против статей, помещенных в «Слове», выставляется «гнилая атмосфера современной общественной реакции», в которой будто бы и может быть «то настроение, которое отвечает национализмом на национализм, — нездоровым национализмом на нездоровый национализм». Г. Милюков объявляет поднятие вопроса о национализме все тем же искательством «экзотических формул» и пого-

ней за «экзотическими чувствами», которые являются в результате аполитизма, охватившего нашу интеллигенцию.

Аргументы эти настолько просты, что в сущности на них не стоит и отвечать. Это отписка, которой все можно объяснить, но которая по существу ничего не объясняет, ибо нездоровой атмосферой реакции можно объяснить все, что нам не нравится, ссылкой на эту атмосферу можно ото всего отделаться. «Нездоровая атмосфера» стала своего рода Паулиной. Но в таком случае каким путем и кто же превратит нездоровую атмосферу в здоровую? Или уж наше поколение окончательно осуждено на гибель? Но ведь и дети наши растут в нездоровой атмосфере! Это вопрос далеко не посторонний в той полемике, которая возгорелась около национального вопроса. Те, кто восстает против поднятия подобных вопросов, объясняя их аполитизмом, не хотят уяснить себе того положения, что не все дело в политике, не все сводится к правительству и, скажем еще более общее, к учреждениям. Сама политическая атмосфера, сама реакция и сами учреждения являются результатом деятельности, чувств и настроений людей. Для того, чтобы избыть реакцию, чтобы создать новые учреждения, необходима внутренняя работа в среде самого общества, оздоровление самих общественных сил. А этому внутреннему оздоровлению может способствовать прежде всего работа мысли, пересмотр и критическая проверка всех тех вопросов, которые считались якобы решенными, но в действительности были лишь восприняты как готовый шаблон. И если всякое искание объявлять экзотическим, то общество несравненно дольше останется под гипнозом и воздействием той самой реакции, которой объясняется теперь все, что идет сколько-нибудь вразрез с установившимися шаблонами. То же можно сказать и относительно национального вопроса. Этот вопрос решался в годы нашей революции исключительно с политической точки зрения, с точки зрения прав подвластных русскому государству национальностей. Но это решение вопроса слишком односторонне. Подни-

мая национальный вопрос, мы не только не отрицаем решения его с точки зрения политической, но считаем в этом смысле в главных чертах его решенным. Но жизнь, именно та «встреча с живой действительностью», которая должна, по мнению П. Н. Милюкова, вернуть нас к чувству реальности, как раз и заставляет подойти к национальному вопросу с другой стороны, а именно со стороны чувств и настроений, со стороны внутренней его сущности. Эта же встреча с живой действительностью говорит нам и о том, что отношения между национальностями, населяющими Россию, значительно осложнились после пережитых событий революционного периода. Осложнение это заключается в том, что русская национальность ближе столкнулась с другими национальностями в политической борьбе. Да, в то время был как будто один только враг: это — старый режим. Но старый режим не заключается только в правительстве, а заключается и во многих общественных группах, из которых слагается российское население.

Русская интеллигенция, пересматривая целый ряд вопросов, должна была остановиться и на таком вопросе, как вопрос о монополии на патриотизм и национализм только групп реакционных. Слишком легко отделаться от этой монополии пренебрежительным кивком по адресу этих реакционных групп. Но мы знаем, что после нашего поражения в японской войне среди русской интеллигенции действительно стали смешиваться понятия здорового патриотизма с чисто зоологическим национализмом. Вместе с зоологическим национализмом выброшен был за борт и здоровый патриотизм. Мы упустили из вида, что японские победы подействовали угнетающим образом и на народное, и на национальное чувство. Наше поражение унизило не только бюрократию, а косвенно и нацию. Поражение в японской войне, причины этой войны и ее истинные виновники заставили русскую интеллигенцию перегнуть палку слишком резко, и мы свое «национальное лицо» действительно совершенно спрятали.

Пусть П. Н. Милюков прочтет статьи об идее русской революции в книжке г. Минского, и он увидит там выражение общеинтеллигентского мнения о том, что эта идея заключалась в космополитизме, в общечеловеческих задачах, в осуществлении «социального гуманизма», как определяет идею русской революции г. Минский. Русское же «лицо» исчезло. Русская национальность, сложившимся ходом истории ставшая державной, как государственная национальность стусивалась, как таковая. Но если эта державная национальность, которую опять-таки мы смешали с национальностью данной государственности, данного режима даже, будет оставаться в этом униженном виде, то не подняться в Российской империи никакой другой из живущих в ней национальностей, не избыть нам и реакции.

Мы полагаем, что только подняв русскую национальность, как державную, подняв ее внутреннее чувство, ее самосознание, ее настроение и дух, достигнем мы и того, что будут подняты в своей равноправности и другие национальности.

И если мы говорим о подъеме своей русской национальности, то рядом с этим говорим и о подъеме других национальностей. Гораздо больше уважения будет по отношению к другим национальностям в том случае, если мы будем, признавая себя как нечто особое, признавать и их имеющими особое лицо, чем если будем сливать в нечто неопределенное всех, валить в одну кучу и финна, и еврея, и поляка. Ни тот, ни другой, ни третий не поблагодарят нас за это сваливание в одну кучу, так как все они весьма и весьма различны между собой, различны и от нас.

И я в своей статье ставил лозунгом «соглашение, а не слияние», что не только не означает противопоставления одной нации другой, а означает признание всех особенностей каждой и уважение к этим особенностям.